

отвлекалась от борьбы с германской разведкой для осуществления необоснованных репрессий рабочих, ИТР, колхозников, интеллигенции, молодежи, что наносило ущерб обороноспособности страны.

Исторический опыт свидетельствует о необходимости правового закрепления роли и места органов безопасности в политической системе общества, своевременной разработки и практической реализации концепции безопасности личности, общества и российского государства.

А. И. Вольхин
(АФСБ РФ)

Деятельность японской разведки в восточных регионах России в годы Великой Отечественной войны

В 1941-1945 годах органами госбезопасности Урало-Сибирского региона было арестовано 72 агента японской разведки, подозреваемых в шпионаже (по СССР - 407 человек). Наибольшее количество японской агентуры было арестовано УНКГБ по Новосибирской области (37 человек), Алтайского края (8 человек), Красноярского края (6 человек), Башкирской АССР (5 человек). Не производили арестов японской агентуры органы госбезопасности Удмуртской АССР, Курганской, Тюменской, Томской областей. В итоговых отчетах УНКГБ по Свердловской, Молотовской, Чкаловской, Омской, Кемеровской областям несмотря на то, что ими было арестовано 12 агентов, борьба с подрывной деятельностью японской разведки не нашла никакого отражения.

Особенностью разведывательной деятельности японских спецслужб по сравнению с немецкой разведкой являлся тот факт, что они вели подрывную работу против СССР как с легальных, так и с нелегальных позиций. Легальная разведка на территории СССР велась японским посольством в Москве, японским и манчжурским консульствами во Владивостоке, Чите, Благовещенске, Петропавловске-на-Камчатке, корреспондентами японских газет. Под прикрытием дипломатических и других японских учреждений работали разведчики 2 отдела Генштаба, 3 отдела Морского Главного штаба, министерства иностранных дел, штаба Квантунской армии. В течение 1941-1945 годов личный состав японских учреждений в СССР сократился и насчитывал в 1945 году 99 человек. Однако степень подготовленности этих японцев к разведывательной работе видна из того, что 92 человека владели русским языком, 35 человек много лет жили в России. Помимо этого разведывательную работу вели японские дикпурьеры и транзитные пассажиры.

В области политической разведки на всем протяжении войны японцы изучали международное положение СССР, его связи с Англией, США, возможности исхода германо-советской войны, внутривнутриполитическое положение

Советского Союза. Военно-экономическая разведка, ставившая сбор шпионских сведений прямой задачей всех японцев, проживающих в СССР, предпринимала массовые попытки установить связи с военнослужащими Красной Армии и Флота, работниками наркоматов и оборонных предприятий.

По имеющимся архивным материалам можно судить о том, что основным интересом для японских спецслужб представляли военные объекты на территории Дальнего Востока, места дислокации, численность, вооружение частей Красной Армии, подразделений погранвойск, состояние охраны границы, пропускная способность железных и шоссейных дорог. С началом Отечественной войны усиленное внимание японская разведка стала уделять эвакуации советской промышленности на Восток, росту тяжелой индустрии на Урале и в Сибири, разработке там новых рудных и угольных месторождений. Разведорганы Японии выявляли масштабы и характер американских военных поставок в СССР. Известно, что японское руководство располагало в 1943 году близкими к действительности сведениями о количестве и видах самолетов, перебрасываемых по воздуху по трассе США-Уэлкан-Красноярск.

Японские дипкурьеры и чиновники, передвигавшиеся по транссибирской железнодорожной магистрали, имели цель установить непрерывный контроль за состоянием оборонных объектов в ее зоне. Проезжающие японцы наносили на схему путевого наблюдения наличие нефтебаз, аэродромов, казарм, складов, фиксировали передвижение воинских частей. Чтобы нейтрализовать деятельность легальных разведчиков, органы советской контрразведки, в соответствии с указанием НКВД СССР от 19 января 1943 года, усилили наблюдение за поведением японских дипкурьеров и чиновников, выделив для этого опытных разведчиков наружного наблюдения, а в некоторых случаях, особенно на трассе от Читы до Свердловска, посылали в поездах оперативных работников контрразведывательных органов (КРО). Чтобы выявить круг разведывательных интересов японцев, практиковалась «подсада» под видом пассажиров, завязывались знакомства. В случаях фотографирования японцами через окна вагонов интересующих их объектов составлялись официальные акты с привлечением представителей железнодорожной милиции, снимки засвечивались.

Японская агентура, внедренная на промышленные предприятия Челябинской и Новосибирской областей, Башкирской АССР, Алтайского и Красноярского краев, собирала разведывательные сведения о состоянии нефтяной промышленности Башкирии, степени технического вооружения угольных разрезов Урала, работе военных заводов Новосибирска, выплавке чугуна и стали на Магнитогорском металлургическом комбинате.

Вербовочной базой японской разведки являлись китайцы, корейцы, нанайцы, гольды, орочены, бывшие рабочие и служащие японских концессий на Дальнем Востоке, бывшие служащие японского посольства и консульств в

Маньчжурии, русские белоэмигранты. Приобретая в этой среде агентуру, японская разведка преследовала цели использовать ее не только для разведывательной и повстанческой деятельности на Дальнем Востоке, но и засылать в Сибирь, на Урал, в центральные города СССР. С 1942 года японцы стали наиболее тщательно, сроком от 6 месяцев до 2 лет, готовить квалифицированную агентуру (особенно из числа русских) для засылки на длительное осаждение. Использовался немецкий опыт. Офицеры японских военных делегаций в Берлине в течение 1941-1943 годов систематически выезжали в Брайтенбург¹, Варшаву, Краков, в города Финляндии и Румынии, где знакомились с постановкой обучения агентуры в разведшколах.

Судя по разрозненной и весьма скудной информации о деятельности японской разведки в Урало-Сибирском регионе, оперативный удар по японской агентуре был нанесен органами НКВД-НКГБ в июне-августе 1941 года. Арестованные «харбинцы» Удовиченко А.К., Титов А.М. и др. составляли костяк кадровой агентуры японской разведки, завербованной еще в 20-30 годы. Количество арестов подозреваемых в японском шпионаже резко сократилось в 1942 году (19 человек), а в 1943-1945 годах было арестовано всего 9 человек, из них на Урале - 4 человека, в Сибири - 5 человек. В то же время в конце 1942 года только в Новосибирской области на оперативном учете состояло 584 человека, подозреваемых в связях с японской разведкой.

На наш взгляд, такая ситуация с арестами объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, реальная и потенциальная база японской разведки в СССР в основном была ликвидирована в ходе массовых чекистских

¹ Брайтенбургская школа германской военной разведки была организована в местечке Брайтенбург, около Вены, в 1941 году. Готовила разведчиков-радиостов главным образом для работы в тылу Советского Союза. По данным советской агентуры, обучавшейся в этой школе, а также из показаний арестованных шпионов было известно, что вначале в этой школе обучались германские агенты, завербованные в балканских странах из числа русской белоэмигрантской молодежи. С августа 1941 года школа стала комплектоваться за счет военнопленных летчиков, авиаинженеров, штурманов, командиров зенитных, прожекторных и авиадесантных частей Красной Армии. В школе помимо общих дисциплин и радиодела разведчики изучали организацию ВВС Красной Армии, вопросы организации противовоздушной обороны объектов. Перебрасываемой на советскую сторону агентуре поручалось выяснить организацию противовоздушной обороны тыловых городов, дислокацию и формирование резервных авиачастей, наличие оборонных заводов, их мощность и характер выпускаемой продукции, дислокацию и вооружение воинских частей, морально-психологическое состояние населения. Пребывание агентуры в советском тылу было рассчитано на 6-8 месяцев и тщательно легендировалось. ЦОА ФСБ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3. Л. 352-358.

операций в 1935-1940 годах. Тогда по подозрению в шпионаже в пользу Японии было репрессировано 55 910 человек. В самом начале Великой Отечественной войны органы госбезопасности на Урале и в Сибири произвели окончательную «зачистку» японской агентуры. Во-вторых, наиболее опытная, хорошо законспирированная агентура японских спецслужб избежала репрессий. В-третьих, не дождавшись благоприятного развития событий на германском фронте, японская разведка свернула активную разведывательную деятельность в глубоком советском тылу, сосредоточив максимальные разведывательные усилия в приграничных областях Дальнего Востока. Поэтому были ослаблены агентурные позиции японских спецслужб на Урале и в Сибири.

Но ущерб, нанесенный японской разведкой государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны, можно оценить как весьма существенный. По признанию бывшего начальника 2-го (разведывательного) отдела штаба Квантунской армии полковника Асада Сабуро, арестованного советской контрразведкой в 1945 году, в течение всей войны японские спецслужбы передавали немецкой разведке обширную информацию о СССР: данные о численности, дислокации, передвижениях советских войск на Дальнем Востоке; о военных и экономических возможностях СССР, характере грузов, поступающих в страну из США через дальневосточные порты, сведения о частях Красной Армии, перебрасываемых на западный фронт с Дальнего Востока. «Передачу разведывательных данных о СССР Германии, - отмечал А. Сабуро, - мы производили на том основании, что у Японии и Германии были единые цели: добиться поражения СССР, при этом немцы хотели захватить Украину, Белоруссию, Прибалтику, а японцы Приморье и Забайкалье». Но благодаря героизму советского народа целям агрессоров не удалось сбыться.

Е.В. Чупина
(УрГУ)

Спецкомендатуры МВД и административный надзор за спецпереселенцами в конце 1940-х – начале 50-х гг.

Насильственное переселение отдельных групп населения и целых народностей в среднеазиатские республики, на Урал, в Сибирь и северо-восточные области РСФСР идеологически обосновывалось как проводимая «в исключительных случаях мера массовой государственной репрессии за измену Родине и противодействие Красной Армии во время войны».

В действительности же политика депортации, официально трактуемая как «исключительная мера», являлась поэтапно спланированной и последовательно проведенной в жизнь акцией, охватившей обширные географические и хронологические рамки. Законодательством 1940-50-х гг. проводилось различие между высылкой, ссылкой, ссылкой на поселение и специальным поселением.